

«Я О ВОЙНЕ СПРОСИЛ У БОГА...»

Владимир Викторович Макаренков родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Служил в армии, работал в НИИ и на заводе, служил в пенитенциарной системе, полковник внутренней службы в отставке, с 2017 года работает в газете мотострелковой дивизии. Автор 10 книг стихотворений, публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, премий им. Н.И. Рыленкова (Смоленск, Тюнино Брянской области), «Навстречу дня!» им. Б.П. Корнилова (Санкт-Петербург), Южно-Уральской литературной премии (Челябинск). Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей. Член Союза журналистов РФ, главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

РАЗУМЕТЬ

Не говорите мне про совесть, когда орудия гремят, давайте говорить про стойкость и мужество в боях солдат, про их отважных командиров, про лётчиков и моряков, тех, кто воюет ради мира и умереть за нас готов.

Их совесть — в воинском приказе, она — незыблемый залог: на Украине и Донбассе исполнить свой солдатский долг; свершая воинское дело, громить коварнейших врагов и выводить из-под обстрелов — к своим — детей и стариков.

А если кто-то заикнётся, мол, совести у русских нет, пусть клеветою поперхнётся, на ложь есть праведный ответ; он в языке, как птица в клетке, лишь нужно выпустить уметь,

ведь слово «совесть» —
от «свьѣдѣти»*,
что означает — разуметь.

МЫ ВСЕ ДЛЯ СЧАСТЬЯ РОДИЛИСЬ

Кого винить, за что винить?
Россию или Украину?
Мне страшно другу позвонить, —
в отчаянье скорбит по сыну.
Я сам такое пережил.
Не принимал ничью подмогу.
Жизнь не мила, весь мир не мил.
Открыто сердце только Богу.
Не станем горе осквернять
своим назойливым участием.
Давайте память сохранять
о том, что было общим счастьем,
надеждой на большую жизнь,
на мировые перспективы.
Мы все для счастья родились,
мы счастливы, пока все живы.

В ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Дождь с утра и солнышко
с обеда,
словно радость после горьких
слёз.
Что ж односторонняя беседа
о больном, насущном и всерьёз
не приносит умиротворенья?
Убивать людей — великий грех.
Почему тогда грехопаденье
признаётся нами не для всех?

Почему в людей стреляют люди?
Почему убитого в бою,
отпевая, батюшка не судит,
молит о спасении в раю?
Бог простит, а как простит
убитый
клятого убийцу?

Кто же мне
объяснит, ведь по-земному квиты
лишь враги, лежащие в земле?
Дождь с утра и солнышко
с обеда,
словно радость после горьких
слёз.
День пасхальный, а грустна
беседа
с Господом, хоть и воскрес
Христос.

ЧЕГО НАМ ЖДАТЬ ОТ ВЕКА?

Божьего простого человека,
помолившись в храме у креста,
я спросил:
«Чего нам ждать от века?»
Он ответил:
«Что ни век — вражда.
Не дружи с иллюзией, что мир
может жить без войн
и революций,
воины для битв всегда найдутся
и жрецы, которым мир не мил.
Что ни век, то сатана, как грущу,
сотрясает человечью жизнь.
Видел, как молился ты за душу.
Так же за Россию помолись».

*В русском языке XI–XVII веков известно слово «свьѣсть» со значениями «совесть, разумение, понимание, знание, согласие, указание, чистота». Образовано с помощью суффикса «-ть» от основы глагола «свьѣдѣти» («знать, разуметь»).

АДАМОВО ЯБЛОКО

Томясь в одиночестве в сетке
предзимнего голого сада,
последнее яблоко с ветки
ладони приветливой радо.

На милой земле жизнь такая
однажды устроена Богом:
хрустеть на зубах, истекая
живительным солнечным соком.

БОГ И БЕС

Когда уснёт уставший мир,
намаявшись от окаянства,
я слушаю ночной эфир
околоземного пространства.
О, какофония небес!
Союз рождения и смерти.
Играючи, межзвёздный бес
планету по-кошачьи вертит
в когтистых лапах...

— Бес? А Бог?
— А Бог взирает с горних высей,
как распускается клубок
запутанную нитью жизни.

Я О ВОЙНЕ СПРОСИЛ У БОГА

Я о войне спросил у Бога,
а мне ответил Сатана:
«У власти ваших жизней много,
а у тебя твоя одна.
За что живую душу Богу
отдашь? Ценней земные дни.

Продай к условленному сроку,
что хочешь за неё возьми».

«Ну, что же, дьявольская сила, —
ответил я, — таков мой счёт:
нужна мне сильная Россия,
в которой волен мой народ,
в которой радость жизни светит
сильнее всех земных огней
и беззаветно любят дети
своих отцов и матерей».

И тут такой поднялся ветер,
что в тучи рухнула Луна.
Так ничего мне не ответил,
качая небо, Сатана.
А я из горнего истока
напился правды про войну.
Не нужно спрашивать у Бога,
коль нужно защищать страну.

ВОЙНА И ЖИЗНЬ

Война, а думать хочется о мире,
о тайнах мирозданья, о живом;
жизнь и любовь, как дважды
два — четыре, —
земное счастье, войны —
о другом.

Торопятся военные составы
за славой и победой, —
смерть врагам.
Но разве кто клянёт войну
не правы —
кто слёзы льёт по детям
и мужьям?

На фронте небеса —
в свинцовых латах,
восходы и закаты все в крови,
но в ночь затишья снятся сны
солдатам
о доме, мирной жизни и любви.

Война, с утра в разбуженную
рощу
войдёшь, и душу оторопь берёт:
берёзы в синеве листву полощут,
и алый парус солнышка плывёт.

ФОТКА С ФРОНТА

Фотка с фронта: у старой иконы
на колени присевший солдат
так глядит, будто все батальоны
этим взглядом нам в души
глядят.

А с иконы глядят Божья Матерь
и святые...
Российский народ,
помолись о безгрешном солдате,
пусть не глохнет его пулемёт,
пусть осколки и пули вслепую
пролетают и гаснут в земле,
пусть спасётся в атаку любую,
пусть не сгинет в огне и во мгле,
пусть любимая с фронта
дождётся
дорогого мужчину, пусть мать,
словно солнце, в дверях
улыбнётся
в день, когда возвратится солдат,
пусть не меркнет геройская
слава,
пусть счастливою будет семья,

пусть всегда будут слева
и справа
в нужный час боевые друзья.

Фотка с фронта: у старой иконы
на колени присевший солдат
так глядит, будто все батальоны
этим взглядом нам в души
глядят.

НЕ УБЕЙ!

Не напишешь красивых стихов
о войне.
В грозном грохоте
артиллерийском,
свисте стали, дыму и палящем
огне,
породнённых с кровавым
убийством,
разве есть красота?
Отчего же солдат
не считает убийство ошибкой?
Если метко ракета разит
«Леопард»,
«Красота!» —
воскликает с улыбкой.

Как такое понять?
Значит, смерть красотой,
нарисованной кровью, бывает?
Значит, враг безобразен, когда
он живой,
и прекрасен, когда умирает?
Может, так, если, братец,
не носишь креста.
Лишь крещённый смириться
не может.

Поразив «Леопард», не кричит:
«Красота!»,
тихо шепчет:
«Прости меня, Боже».

Не боится крещёный всех
адских смертей.
Даже самый отважный воитель
твёрдо помнит на фронте завет:
«Не убей!»,
верит в то, что спасает
Спаситель,
что любовь его к людям,
как небо, близка
и чудесна земная опека,
только ты не убей, не убей
не врага,
сам в себе не убей человека.

НЕ СУДИ

Не суди, и не будешь судим.
Вроде просто, сдержаться
непросто,
не судить, выставя плохим
человека другого; короста
в тёмных душах от жалкого «я»
хуже кожной чесотки,
в гордыне,
в самомнении всякий судья
сомневается посередине
между правдой и ложью, а ты,
с калашом на груди, с грозной
правдой
в автоматном рожке, клеветы
избегаешь, в душе катарактой
не болеешь, твой огненный суд
совершается волею свыше, —
русским ангелы битвы несут
то, что начисто пишет
Всевышний.

Говорят, что Москва —
третий Рим.
Эй, врали, не пугайте судами!
Мы по милости божьей стоим
за Россию, кто праведен —
с нами.

АХ, РУССКАЯ ВЕРА...

Сегодняшний день —
зрелый колос вчерашнего.
Не стал бы день завтрашний
мёртвой петлёй.
За годы военные спросится
с каждого,
не властью, — народом,
родною землёй.
Коль сам не воюешь,
хоть думай о войне,
стоящем за нас в беспощадном
огне,
стоически верно присяге
и Родине —
единственной праведной —
русской земле.
Ах, русская вера, благая,
народная,
в победу над всеми врагами
Христа,
тобою пусть крепнет держава
свободная,
сошедшая в век двадцать первый
с Креста.
Оценится всё, и слова,
и поступки,
всё тайное вскроется в нашей
судьбе.
Сегодня трусливо пойдёшь
на уступки,
а завтра как верить другим
и себе?

СМЯДЫНЬ

I

В густом тумане над Днепром
всплывает древнее преданье:
меж двух колод в лесу глухом
из-под земли идёт сиянье.

Перекрестись, осилив страх,
на чудо, явленное с неба;
здесь закопали второпях,
надеясь скрыть убийство, Глеба.

Здесь в голубом сиянье ввысь
растёт воздушный Вышегород,
где Глеба в вечность ждёт Борис,
который раньше был заколот.

А в ясный день придёшь сюда, —
не сыщешь устья и причала;
река Смядынь, как со стыда,
от глаз под землю убежала.

Лишь камень да церковный свет,
заливший святостью округу;
плывёт ладья; в ней принял Глеб
братоубийственную муку.

II

Там, между Чехией и Польшей,
где черти смотрят на Восток,
под масками скрывая рожи,
зарыт бесславно Святополк.

Истлели кости, с ярой злобой
неуспокоившийся дух
братоубийцы над Европой
кричит, как ядерный петух.

Сулит богатства и свободы
«здесь и сейчас» любой стране

и призывает все народы
к братоубийственной войне.

ОТВЕТ

Ты упрекаешь, что пишу
я нынче о войне,
талантом, мол, не дорожу.
Хотел я о весне,
как прежде, радостным скворцом
пропеть, воспеть свой сад,
да встал передо мной истцом,
как на суде, солдат.

В пустых глазницах —
боль и страх,
беззубый чёрный рот,
кровавый студень в волосах,
распоротый живот;
стоит, молчит, ответа ждёт;
не прозвучал вопрос,
а сердце явным смыслом жжёт,
и отвечать — всерьёз.

Какую тему ни начну, —
передо мной солдат;
давно ушёл он на войну
и не пришёл назад —
к своей семье, в родимый дом...
Зачем меня молчком
гудящим ветром рукавом
всё ловит за плечо?

Уж нет ни ночи мне, ни дня,
как будто в блиндаже,
вопрос, как взрыв, достал меня.
В израненной душе
и боль, и страх за всех солдат,
живых и мёртвых...
Свет
повержен тьмой. Кто виноват?
Пишу, ищу ответ.

А над домом моим самолёты гудят,
перекрыв журавлям их весенний маршрут,
облака, как тяжёлые бомбы, летят,
свищут ветры, деревья порывами рвут.

Никогда не случилось такое со мной,
никогда я в цветущем саду не грустил,
словно жизнь обескровлена подлой войной;
бездуховен эфир, голубь мира бескрыл.

Как вернуть мне весеннюю радость земли,
как почувствовать снова себя молодым?
Журавли вы мои, журавли... Журавли,
пролетайте скорее над домом моим!

